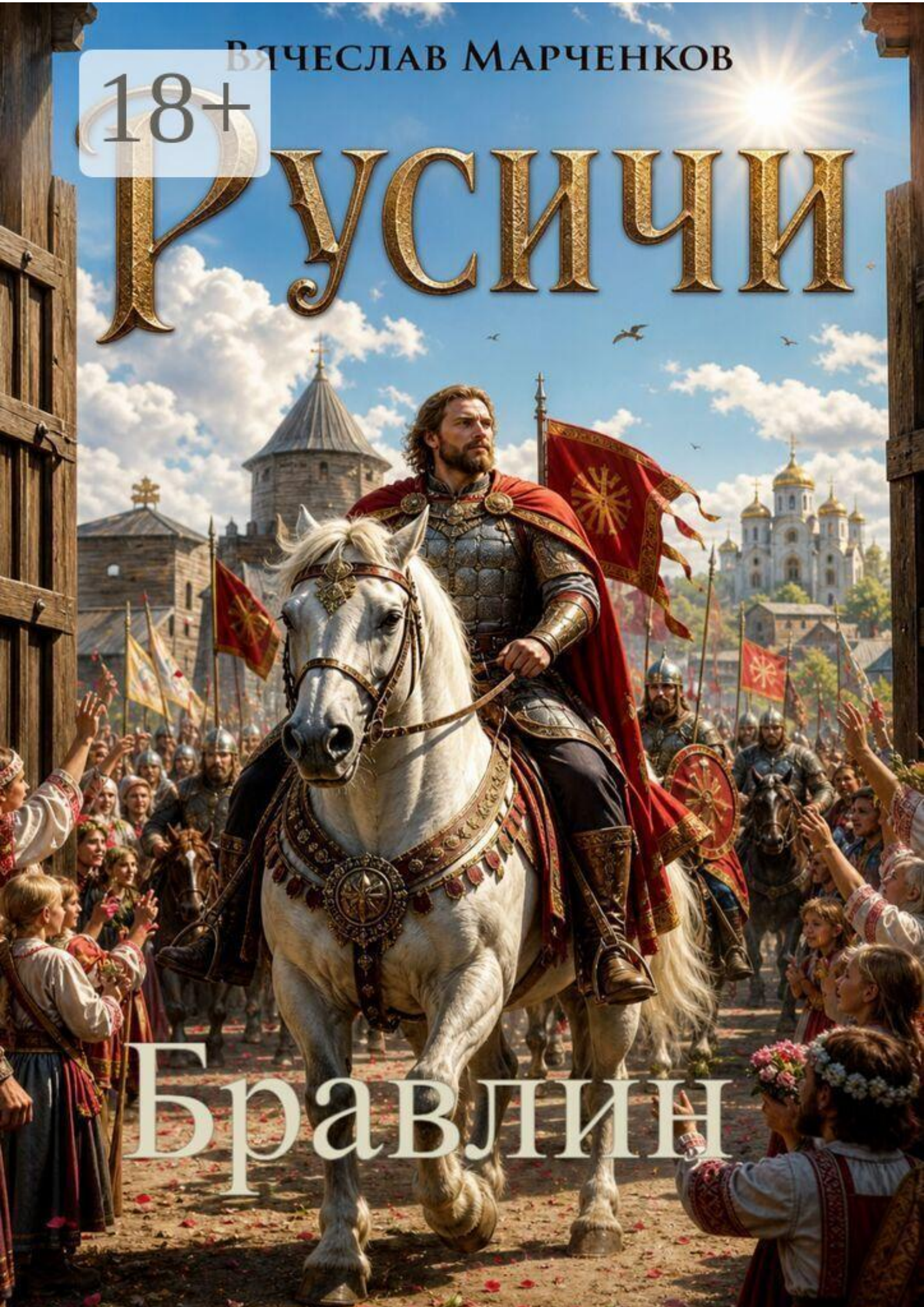

ВЯЧЕСЛАВ МАРЧЕНКОВ

18+

РУСИЧИ

Бравлин

Вячеслав Марченко

Русичи. Бравлин.
Цикл "Древний мир"

«Издательские решения»

Марченков В.

Русичи. Бравлин. Цикл "Древний мир" / В. Марченков —
«Издательские решения»,

К середине девятого века в восточнославянских землях сложились четырнадцать племенных союзов. Местные князья имели собственные дружины и народное вече (собрание), состоящее не только из высшего сословия. В это время на Русь участились набеги хазар, подстрекаемые императором сидевшем в Константинополе. И Русичам пришлось обратиться за помощью к Новгородскому Князю Бравлину, который, объединив разрозненные славянские племена, бросил вызов могущественной Римской империи.

Содержание

ПРОЛОГ	6
ГЛАВА 1	8
ГЛАВА 2	10
ГЛАВА 3	13
ГЛАВА 4	15
ГЛАВА 5	18
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Русичи. Бравлин Цикл "Древний мир"

Вячеслав Марченков

© Вячеслав Марченков, 2026

ISBN 978-5-0071-0379-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ПРОЛОГ

Ряд военных конфликтов между народом Руси, позже Древнерусским государством и Византийской империей, длились на протяжении многих веков. Они обозначены в многочисленных исторических документах, в которых свидетелями набегов Руси на Византию стали непосредственные участники тех далёких событий.

Период девятого — десятых веков был временем территориальной экспансии народа земли русской и становления, созданного им в восемьсот шестьдесят втором году государства Русь. Одной из основных причин экспансии на юг было стремление русов контролировать «путь из варяг в греки» и с ним прибыльную торговлю с богатейшей Византией. Одной из главных целей военных походов русов была столица Византийской империи — Константинополь.

Первым из них с некоторой долей условности можно считать набег «великой русской рати», во главе с «сильным князем Бравлином», на южнокрымские города, в том числе на Сугдею или Сурож (современный Судак). О нападении, случившемся вскоре после кончины святого Стефана, епископа этого города, повествует «Житие Стефана Сурожского». Вполне возможно, что имя «русского князя», как и указание на его прибытие «из Новгорода», могло появиться в тексте под пером позднего редактора, но ряд исторически достоверных деталей, упомянутых в «Житии», заставляет внимательно отнестись к этому источнику.

Бравлин — легендарный князь, предводитель великой русской рати из Новаграда, совершивший набег на византийский город Сурож (Сугдею) в Таврии (нынешний Крым) на рубеже восьмого — девятого веков. Известен только по описанию похода дружины на Крым и христианского чуда в русской редакции «Жития Стефана Сурожского» пятнадцатого века.

Согласно британскому историку Кендрику, торговым походам варягов препятствовали хазары, жившие в низовьях Днепра и северном Причерноморье. Походы варягов увенчались изгнанием хазар из района современного Херсона. После этого варяги предприняли набег на южное побережье Чёрного моря и разграбили там в Пафлагонии византийский город Амастриду. О том, в какие годы был совершён этот набег, не известно (наиболее вероятно, в восемьсот тридцатые годы). Если Кендрик считал, это произошло в самом начале века, то не исключено, что предводителем варягов мог быть тот же легендарный Бравлин, который возглавлял набег на крымский Сурож.

Собственно «Житие Стефана Сурожского» описывает деяния епископа Сугдеи, византийского города на юго-востоке Крыма. Стефан Сурожский родился около семисотого года, в семьсот восемьдесят седьмом году отмечен как участник Седьмого собора. Предполагается, что он скончался в конце восьмого века, после чего его мощи покоились на алтаре храма святой Софии в Суроже.

«По смерти же святого мало лет минуло, пришла рать великая русская из Новаграда. Князь Бравлин, очень сильный, пленил всех от Корсуня и до Керчи. Подошёл с большой силой к Сурожу, Десять дней бился зло там. И по истечении десяти дней Бравлин ворвался в город, разломав железные ворота.»

Известны две редакции «Жития Стефана Сурожского» — короткое изложение на греческом и подробная редакция на древнерусском языке. В лаконичной греческой версии рассказ о посмертных чудесах и набеге Бравлина отсутствуют.

В шестнадцатом веке набег князя Бравлина косвенно отмечается в Степенной книге царского родословия.

Но затем, в семнадцатом веке, история с князем Бравлином исчезает из русской редакции жития Стефана Сурожского. В девятнадцатом веке историки открывают её вновь по старым рукописям. С этого времени достоверность Бравлина и его идентификация становятся предметом исследований и споров историков.

Много в стороне нашей истории чудесных о героях былинных, что родились не от матери — отца, а от землицы родной, и в жилах их текла не кровь людская, а водица чистая, родниковая. Да жили они веками, ограждая род человеческий от зла лютого и звали их не иначе, как богатыри Русские! Так сказывали мудрые, старинные волхвы, бродившие по просторам бескрайней земли Русичей. Солнце наше красное за день, да за ночь, не обойдёт того, что сказания добрые в сердца открытые вложатся!

ГЛАВА 1

Велики просторы на Руси-матушке! Птица устанет крылом махать, из конца в конец её пролетая. А уж путнику добраться и того труднее. Ладно бы летом, когда от зноя в прохладном тёмном лесу умолкают самые голосистые пташки, а на открытых полянах зреет душистая, вкусная земляника, да местами поспевает лесная малина — тогда душа поёт голосистым соловьём, вдоволь наслаждаясь дальней дорогой. Но вот лютой, холодной зимой... Когда метели завывают голодным зверем, а стволы вековых деревьев под тяжестью налипшего на них снега трещат и ухают, словно древние старцы под грузом сумы, то из живности радуются ей только стайки красногрудых клестов, со свистом перелетая с ели на ель. А что уж говорить о путниках? Не многие отважатся в этот сезон года на дальнюю дорогу. Разве нужда да неотложные государственные дела сподвигнут человека на путь неблизкий.

В такую ненастную погоду и появились среди леса, на заметённой снегом дороге, две тройки лошадей, запряжённых в сани. Грудью раздвигая непролазные сугробы, они, пытая, тащили вперёд тяжёлую поклажу, иногда переходя на хрип. Снег набивался им в ноздри, оседал белой пылью на взмыленных шеях, а из распахнутых ртов вырывались густые клубы пара, тут же таявшие в ледяном воздухе. Кони то и дело проваливались по самое брюхо, с натугой выволакивали ноги, будто каждое движение давалось им ценой последних сил.

Ездовые, сидевшие на топчанах, с головой укутавшись в овчинные тулупы, молча охаживали подопечных плетью, совсем не жалея уставших животных. Но в этом не было жестокости — лишь суровая необходимость: если кони встанут, люди замёрзнут. Кучер первой тройки, седой мужик с лицом, иссечённым ветрами и морозами, время от времени наклонялся вперёд, всматриваясь в белую пелену, словно надеялся разглядеть в ней хоть какой-то знак, что дорога не кончилась, не ушла в пустоту.

На санях, позади кучеров, в дорогих собольих шубах и не менее тёплых шапках, устроились важные люди. На каждом сане они расселись по двое. мех на их одежде был густым, тёмным, отливавшим в тусклом свете зимнего дня благородной глубиной; воротники плотно облегали шеи, скрывая даже малейшую щель, куда мог бы пробраться колючий холод. Лица их, хоть и укрытые от ветра, хранили следы долгих дорог и бессонных ночей: в складках у глаз затаилась усталость, а в сжатых губах — напряжение, будто каждый из них держал внутри тяжёлый, не высказанный до конца груз.

Замыкали обоз десять всадников, бодро сидевшие на рысаках. Утопая в снегу не меньше, чем кони, запряжённые в тройки, они, подгоняемые хозяевами, тоже упорно лезли вперёд. На широкие плечи воинов были накинuty лисьи шубы, спасавшие их от мороза, а на головы, до самых бровей, натянуты заячьи шапки. Густые усы и длинные бороды на их лицах давно засыпало инеем, и лишь открытые, широкие глаза светились негибимой решимостью добраться до заветной цели как можно быстрее и без происшествий. Время от времени один из всадников наклонялся, стряхивал с бровей ледяную крошку и, коротко оглянувшись на сани, будто проверяя, всё ли в порядке, снова устремлял взгляд вперёд, в эту белую, слепящую пустоту.

Казалось, что люди были озабочены лишь дорогой, погодой да мрачным окружением леса, словно строгим надсмотрщиком, сторожившим их на этом отрезке пути. Но это было не так. Ехавшие на санях впереди, будто не замечая недружелюбного поведения зимы, тихо беседовали между собой на тему, волновавшую их больше, чем капризы природы. Голоса их звучали приглушённо, чтобы не разносились по лесу, не выдавали их присутствия ни зверю, ни случайному глазу.

— Ох, Бажен! Чудится мне, что лезем мы из огня, да в полымя! Знамо дело, богатырь он славный! Да токмо сколько раз мы золотом да серебром подкупали варягов, чтобы они выступили против него? Думаешь, он всё забыл? Хоть на вече и решил народ наш звать его на

помощь, но опасаясь я, что накличем мы беду на себя тем самым! — глубоко вздыхая, обратился один из них к другому. Голос его дрожал не от холода, а от внутреннего напряжения, будто слова давались ему с трудом, протискиваясь сквозь тяжесть сомнений.

Поднимая воротник собольей шубы выше, чтобы хоть немного укрыться от колючего ветра, Бажен ответил товарищу:

— Перун с нами, Верослав! Не допустит он гнева княжеского! Кабы мы были в силах справиться с хазарами, разве дело дошло бы до решения такого?

Приятель тяжело закряхтел, не ответив ему на вопрос, и Бажен продолжил:

— То-то и оно! Я и сам не раз задавал себе вопрос: нужно ли нам звать на помощь Бравлина? Да только отвечал всегда однозначно: если не хотим спины гнуть под игом хазарским, нужно! Мы единый народ! Мы одной крови! На Копище боги у нас одни! И помощи нам просить больше не у кого, как у брата своего, русича! Это понимаем мы, а значит, и князь!

Он замолчал. Не проронил ничего и собеседник, видимо, обдумывая слова товарища. В тишине слышно было только скрип полозьев по снегу, тяжёлое дыхание лошадей да редкий стук копыт замыкающих всадников. Ветер, казалось, на мгновение стих, будто и сам прислушивался к этим словам, к этой тяжёлой, выстраданной правде.

Но после некоторого молчания Верослав вдруг поинтересовался:

— А по што у него имя такое, Бравлин?

— Да шут его знает! — честно признался Бажен, чуть пожав плечами под тяжёлой шубой. И, помолчав, добавил, будто вспоминая чьи-то рассказы: — Люди сказывают, что это вовсе не имя, а прозвище. Мол, дали ему за геройство на поле брани варяги, когда тот по найму с ними в поход ходил на Белое море! Да так и закрепилось за ним.

Верослав снова тяжело вздохнул, сухо вымолвив:

— Не имени, ни роду, ни племени не знаем, а едем звать в помощники против хазар воевать.

Он не стал заканчивать мысль — да и не нужно было. Оба и так знали, о чём речь: звать на помощь человека, чья верность не проверена, чьи прошлые дела могли обернуться против них самих. Это был риск, на который приходилось идти, потому что иного выхода не оставалось.

И в тот самый миг, когда тишина между ними стала почти невыносимой, в пелене сыпавшего с небес снега показались первые постройки селения, где обозу можно было дать отдохнуть. Тёмные силуэты срубов проступали сквозь белую завесу, как призраки, обещая тепло, кров и хотя бы короткую передышку от этой бесконечной дороги. Товарищи, заметив их, сразу приободрились, будто сами стены далёких домов уже согревали их.

А потому Бажен закончил разговор на позитивной ноте:

— Всё будет хорошо! Перун нам поможет!

И, чуть приподняв голову, он взгляделся в приближающиеся огни селения, словно ища в них подтверждение своим словам.

ГЛАВА 2

Несмотря на то, что голова трещала, как старая берёза на ветру, после выпитой с вечера медовухи, Бажен открыл глаза, когда рассвет ударил солнечными лучами в неприкрытые окна светлицы. Лучи легли косыми полосами на потемневшие от времени доски пола, высветили клубы пыли, медленно кружившиеся в воздухе, и обожгли веки, заставив купца поморщиться. Посмотрев в окно, он, облегчённо вздохнув, подумал про себя:

— Вот и в небе прояснилось! Значит, по-нашему будет!

Пошарив одной рукой рядом, он не обнаружил подле себя товарища, хотя ему казалось, что ложились спать, накрывшись тулупами, вместе, бок о бок. В памяти смутно шевелились обрывки вчерашнего вечера: шум, смех, звон глиняных кружек, тяжёлое тепло чужого плеча рядом. А теперь — пустота и холод на месте, где должен был лежать Верослав.

От этой пустоты внутри шевельнулось нехорошее предчувствие, и Бажен, не сдержавшись, громко позвал:

— Стоян!

На крик хозяина в комнате тут же появился рослый парень, бывший у именитого купца в извозчиках. Он вошёл, слегка пригнув голову, чтобы не задеть притолоку, шмыгнул курносый носом и вопросительно взглянул на лежавшего на полотах господина. В его взгляде не было ни страха, ни подобострастия — только привычное, чуть насмешливое спокойствие человека, знающего цену и себе, и хозяину. Несуразно вымолвил:

— Чаго случилось? Али померещилось что?

— Оглоблю тебе в печёнку! Сколько раз я тебя учить буду, что прежде, чем обратиться к знатым людям, кланяться надо! — закипая яростью, прокричал в ответ Бажен. Голос прозвучал хрипло и надтреснуто, а в висках тут же отозвалась новая волна боли.

Однако его слова не подействовали на дворового, потому как тот, почесав огромной ручищей затылок, непонимающе заявил:

— Пушай мурчане гнутя, а мне ещё сани латать надобно!

Купец приподнялся на полотах, и, нащупав рукой тяжёлый ухват, стоявший у печи, бросил его в сторону извозчика. Ухват полетел, глухо стукнувшись о половицу, но не долетел — Стоян, ухмыльнувшись, без особого труда поймал рогатую утварь на лету, будто это была не тяжёлая железная вещь, а пуховый платок. Вернув его к печи, обыденно протянул в сторону хозяина:

— Чаго кобелишься? Если надобно что, так и скажи!

Бажен, поняв, что от Стояна вежливости не добиться, перевёл дыхание, и, успокоившись, поинтересовался у него:

— Верослава видел? Ложились вроде вместе, а нет его.

— Так солнце уже к полудню подбирается. Ваш товарищ давно на ногах. Потому как не пил так рьяно медовуху вчерашним днём и драться не кидался на служивых людей, — улыбаясь во весь рот, промычал рослый парень.

На что купец, округлив глаза, спросил его снова:

— Не может быть!

— Да всё хорошо! — успокоил его Стоян. — Тебя связать пришлось, дабы утихомирить. Верослав на печи спал, а два других ваших товарища откупили на ночь соседнюю избёнку, рядом со служивыми. Я ночью заглядывал в светлицу к вам, руки развязать. До ветру, думаю, по надобности захочется, а как сходить?

Бажен схватился руками за голову и завопил глухо:

— Дурь! Ой, дурь несусветная!

Сколько раз обещал он сам себе побороть страсть безмерную к хмельному напитку, да так и не совладал с ней. Отчего и претерпевал невзгоды, нечаянно рушившиеся на него. В свои сорок лет, из-за этой губительной привычки, купец так и не обзавёлся семьёй. Хотя и выглядел статно, да пригоже: красив на лицо, широк в плечах и ростом не обижен. Но девицы, дурманные голову своей красотой, не решались сделать отчаянный шаг ему навстречу — слишком уж грозным и непредсказуемым казался он в гневе, слишком часто вспыхивал без причины. А сословие помельче не интересовало его — гордость не позволяла. Так и ходил он до сей поры в бобылях.

Вот и сегодня, скрипнув от злости на себя зубами, купец вновь поклялся перестать маяться дурью. И, приказав извозчику подать воды, тяжело поднялся с полатей. Каждое движение отзывалось в теле тупой, тягучей болью, будто кто-то сжимал виски железными обручами.

Выйдя на крыльцо, Бажен, сощурившись от светившего в небе яркого зимнего солнца, развёл в стороны широкие плечи и, дёрнувшись в ознобе, закутался поглубже в тёплую соболью шубу. Мороз тут же впился в щёки колючими иголочками, пробрался сквозь мех, заставил вздрогнуть всем телом. После душного тепла избы холод казался особенно злым, резким, настоящим.

Уверенно, хотя и не без усилия, направился он к саням, стоявшим в стороне от избы. Там, что-то обсуждая, стояли его товарищи. Их голоса доносились до него обрывками фраз, перемешанными с хрустом снега под сапогами и тихим фырканьем лошадей. Увидев шагавшего к ним приятеля, они тут же умолкли, почтённо склонив перед ним головы.

— Будь здоров, именитый купец! — вежливо процедил Верослав, хотя в приветствии и слышалась некоторая насмешка — едва уловимая, как тень улыбки в уголках губ.

Бажен не придал этим словам особого значения — слишком хорошо он знал своих спутников, слишком давно они ходили вместе по дорогам Руси. Он тоже склонил уважительно голову и вымолвил:

— Не держите обиду на меня за испорченный вечер, други! Постараюсь впредь вести себя достойнее. Надеюсь на ваше понимание!

— Не стоит извиняться! — пролепетал в ответ низкорослый купчишка, одетый не по размеру в меховую шубу. Ткань на плечах натянулась, швы едва держались, а рукава были коротки, отчего он казался ещё более нелепым и уязвимым.

— У самих рыло в пушку! — хмыкнул кто-то из остальных, и товарищи не понаслышке знали о губительной страсти Зорана, как называли друзья третьего из важных людей в обозе, направлявшемся по важному делу к князю Бравлину в Новоград. Уж очень он был падок до женского полу. Отчего не раз был бит их мужьями прилюдно. Потому-то и усмехнулись его словам они тайно в бороды, пряча улыбки в густых усах и бородах.

А тот, тем временем, продолжал, будто и не слыша намёков:

— Не о том нам стоит думать ныне. Успеть бы до весны в Чернигов вернуться с князем да его бравой дружиной. К теплу хазары снова в набеги пустятся. И что тогда? Ведь не сдюжить их без помощи, не одолеть! Хотя... — он, сомневаясь, пожал плечами и закончил: — До весны вряд ли соберёт он войско своё.

— Это правда! — поддержал друга последний из посольства, утверждённого народным вече на переговоры, по имени Остромир.

Но не успел он открыть рот, чтобы развить эту тему, как все увидели за околицей туманом поднимавшийся снег из-под копыт отряда всадников, мчавшихся к селению со стороны Новограда. Снежная пыль висела в воздухе плотной завесой, скрывая очертания людей, но стук копыт слышался всё ближе, нарастая, как гул приближающейся грозы.

— Неужто княжеские воины? — протянул удивлённо Верослав, но никто ему не ответил.

Все замерли, напряжённо ожидая непредсказуемых известий. На фоне ослепительно белого снега фигуры всадников казались чёрными силуэтами, движущимися слишком быстро,

слишком целеустремлённо, чтобы сулить что-то спокойное. Ветер донёс до купцов обрывки криков и лязг металла, и тишина, повисшая над селением, вдруг стала тяжёлой, густой, словно предвещающей беду.

ГЛАВА 3

Не успела птица с ветки на ветку перелететь, как воины на крепких, откормленных скакунах вихрем ворвались в заезжий двор. Копыта гулко стучали по утоптанной земле, поднимая клубы морозной пыли, а воздух вдруг будто сгустился от тяжёлого запаха конского пота и железа. Остановившись у крыльца, всадники разом выкрикнули требование позвать хозяев — голос их прокатился по двору, резкий и властный, словно удар кнута.

На окрик тут же появился испуганный хозяин постоянного двора — маленький, щуплый человек в залатанной овчинной шубе. Он выскочил из дверей, едва не споткнувшись о порог, и теперь стоял, съёжившись, будто хотел стать незаметнее. Лицо его побелело, глаза метались от одного воина к другому, а пальцы нервно теребили край потрёпанного рукава. Выслушав одного из служивых — сурового детины с рубленным шрамом над бровью, — хозяин торопливо, чуть ли не кланяясь, рукой указал на собравшихся у саней купцов. Его жест был таким поспешным, что казалось, он боялся, будто любое промедление может стоить ему головы.

Один из воинов спешил. Его движения были неторопливыми, но в них чувствовалась привычная сила — будто он заранее знал, что всё будет так, как он хочет. Оставив лошадь под присмотром товарищей, он уверенной походкой направился в сторону посольства. Снег хрустел под его тяжёлыми сапогами, а пар от дыхания клубился в морозном воздухе. Подойдя ближе, воин строго обратился к купцам, положив ладонь на рукоять меча, торчавшего из-под длинной лисьей шубы:

— Вы из Чернигова?

От этого вопроса у товарищей задрожали ноги. Даже крепкий, выдавший виды Зоран побледнел, а его пальцы невольно сжались в кулаки, будто он искал опору в собственной силе. Но, совладав со страхом, Верослав всё же вымолвил, стараясь, чтобы голос звучал твёрдо, хотя в нём и пробивалась предательская дрожь:

— Да! Мы посланы народом нашим к князю Новограда Бравлину для особого разговора!

— Собирайте обоз! Мы за вами! Охрану оставьте здесь! Теперь мы отвечаем за вашу безопасность!

Воин произнёс это, не меняя тона — ровно, без крика, и оттого его слова прозвучали ещё страшнее. Свободной рукой он разгладил короткую бороду, будто стряхивая с себя самую необходимость объяснять или уговаривать. Затем, круто развернувшись, вернулся к своему отряду, оставив купцов стоять в неловкой тишине, нарушаемой лишь скрипом снега и тяжёлым дыханием лошадей.

— Чую я, что не к добру такой приём будет! — дрожащим голосом тихо пробурчал Зоран, пробежавшись беглым взглядом по отряду воинов. Его глаза цеплялись за каждую деталь: за тяжёлые мечи, за кольчуги, видневшиеся из-под шуб, за холодные, непроницаемые лица.

— Не дрожи раньше времени! Кабы убить нас хотели, не стали спрашивать, откуда да зачем? — успокоил его Бажен. В нём пережиток хмели исчез вместе с приездом незваных гостей, и теперь голова работала ясно, будто мороз выстудил из неё всё лишнее. Он оглядел товарищей, и в его взгляде мелькнула та самая властность, которая делала его не просто купцом, а человеком, привыкшим брать ответственность на себя.

Властно кивнув, Бажен стал раздавать указания:

— Верослав, дай распоряжение извозчикам собираться в путь! Ты, Зоран, ступай к воинам. Пусть здесь ждут нашего возвращения да не балуют ни с мёдом, ни с девками. Остромир пусть займётся хозяевами двора. Расплатится честно, без лукавства, за всё посольство. Если дойдёт до князя о том, что мы нечестны на руку, нам несдобровать! А я попробую узнать, кто у них старший.

Кивком головы купец указал на воинов, сидевших на лошадях у крыльца доходной избы. Многие из них, несмотря на трескучий мороз, были без головных уборов. Вместо них копнами ложились на могучие плечи длинные русые волосы, отливавшие в тусклом свете зимнего дня то ли серебром, то ли сталью. Они сидели в седлах спокойно, будто выехали не в дальний путь, а на прогулку, но в этой расслабленности чувствовалась готовность в любой миг сорваться с места и ударить.

Бажен кашлянул в кулак, собираясь с мыслями, и грудным голосом добавил:

— Нужно поговорить с ними, авось что выясню!

Услышав его слова, все тут же разбежались выполнять указания. Верослав торопливо зашагал к извозчикам, размахивая руками и выкрикивая распоряжения, Зоран направился к группе воинов, стараясь держаться уверенно, но всё же держась на почтительном расстоянии, а Остромир подошёл к хозяину постоялого двора, чтобы обговорить плату. Сам Бажен, глубоко вдохнув морозный воздух, направился к отряду, пытаясь угадать, кто из этих суровых людей — старший, и как лучше начать разговор, чтобы не показаться ни слишком робким, ни чересчур дерзким.

Вскоре обоз продолжил свой путь, но уже под охраной двух десятков незнакомых посольству всадников. Их молчаливые фигуры, двигавшиеся вокруг обоза, создавали странное ощущение: с одной стороны, они обещали защиту, с другой — словно сжимали купцов в невидимые тиски, из которых не вырваться. Скрип саней, ржание лошадей и тихий шёпот купцов сливались в единый тревожный гул, который уносился прочь вместе с клубами пара в стылое зимнее небо.

ГЛАВА 4

Верослав, кутаясь в тяжёлый меховой воротник, искоса поглядывал на Бажена, будто надеялся прочесть ответ в его хмуром лице. Мороз щипал щёки, забирался под одежду, и даже густая борода не спасала от колючего ветра, что свистел меж заснеженных стволов.

— Ты что-нибудь узнал о том, зачем прислал Князь своих воинов? — снова спросил Верослав, озираясь по сторонам. Его голос прозвучал чуть тише обычного, будто он боялся, что слова унесёт вихрь снега. — У нас ведь хорошая охрана из наших молодцов была...

Вокруг саней, словно живые стены, всё так же возвышались здоровенные детины верхом на рысаках. Лошади, мощные и нетерпеливые, таранили широкой грудью глубокий снег, вздымая в воздух белые клубы, которые тут же кружились в воздухе, оседая на доспехах и плащах. Казалось, кони чувствовали напряжение людей и оттого становились ещё более беспокойными — то фыркали, выдыхая густые облака пара, то нервно перебирали ногами, будто хотели сорваться с места.

Бажен, смирившись с действительностью, равнодушно пожал плечами, и пар от его дыхания на мгновение скрыл черты лица.

— Мне не удалось из них вытащить даже слова, — глухо ответил он. — Молчат, словно им отрезали языки. Ни взгляда лишнего, ни намёка. Только глаза из-под меховых шапок сверкают да поводья сжимают так, что пальцы белеют.

Верослав тяжело вздохнул, и этот вздох прозвучал в морозной тишине почти как стон.

— Ну что ж, остаётся надеяться на праведный суд Перуна! — заключил купец, вглядываясь в снежную пелену, будто там, среди вихрей, мог мелькнуть знак свыше.

Приятели замолчали, предавшись каждый своим тайным мыслям. Верослав вспоминал дом, жену, тёплый свет лучины по вечерам и запах свежего хлеба. Бажен же мысленно перебирал все возможные причины, по которым Князь мог проявить к ним столь пристальное внимание: то ли дошёл до него какой-то ложный слух, то ли кто-то из завистливых соперников шепнул недоброе слово, а может, и вовсе дело касалось чего-то большего, чем их купеческие дела. От этих мыслей мороз пробирал уже не снаружи, а изнутри.

Вскоре широкий тракт, петлявший между могучими деревьями, начал сужаться. Ветви, тяжёлые от снега, нависали над дорогой, словно пытались сомкнуться над головами путников. Постепенно тракт сменился узкой дорогой, уходящей ещё глубже в лес. Деревья здесь росли гуще, их стволы казались чёрными на фоне белизны, а тени ложились на снег плотными полосами, будто кто-то нарочно чертил на нём зловещие знаки.

Воины, прежде ехавшие по бокам саней, теперь переместились вперёд, образовав плотный строй, который медленно прокладывал путь сквозь сугробы. Это не ускользнуло от глаз Бажена — он бывал раньше в Новгороде по торговым делам и хорошо знал эти места. Сердце его сжалось, а в груди похолодело. Он наклонился к Верославу и тихо, чтобы не услышали чужие уши, проговорил:

— Мы свернули с дороги, ведущей в Новгород! Что это значит, я не знаю...

Верослав боязливо огляделся, словно искал хоть какой-то ориентир, который мог бы вернуть ему уверенность. Глаза его расширились, а голос дрогнул, когда он тихо промолвил:

— Это конец!

Но опасения товарищей не подтвердились. Время тянулось мучительно долго, каждая минута казалась часом. И вот, когда солнце, уже клонившееся к закату, скрылось за верхушками деревьев, густой, непролазный лес внезапно закончился. Перед глазами путников открылось широкое белоснежное пространство — видимо, замёрзшее русло реки. Снег здесь лежал ровным, нетронутым покрывалом, лишь изредка нарушаемым следами зверей.

На берегу, словно вырастая из самой земли, выстроились в ряд добротные избы, защищённые высоким частоколом. Тёмные брёвна контрастировали с белизной снега, придавая поселению суровый, неприступный вид. Выскочив на возвышенность, друзьям удалось внимательнее рассмотреть Починок.

От окраин улицы плавно расходились линиями влево и вправо, будто лучи, исходящие из центра. В середине, за частоколом, высился детинец, а над ним гордо возвышался самый большой деревянный дом с высоким крыльцом. Его крыша, покрытая толстым слоем снега, казалась белоснежной шапкой, венчающей всё поселение. Маленькими серыми точками по улицам передвигались люди: кто-то нёс вязанку дров, кто-то вёл лошадь, кто-то спешил по своим делам, не замечая ничего вокруг.

Зачарованно вглядываясь вдаль, купцы, наконец-то, поняли, что Князь ныне пребывал в своей вотчине, куда и везли их его дружинники. Напряжение, сковывавшее грудь, немного ослабло, но тревога всё ещё жила где-то внутри, напоминая о себе холодными мурашками.

Бажен, выдохнув с облегчением, достал из кармана шубы расшитый золотыми нитками платок. Ткань, когда-то яркая, теперь казалась тусклой в сером свете угасающего дня. Он вытер им выступившие капельки пота на лбу — мороз нещадно лупил, а с него пот градом лился.

— Мороз нещадно лупит, а с меня пот градом льётся! — хрипло рассмеялся он, пытаясь скрыть волнение за нарочитым весельем.

— Не мудрено дело! Меня вон на двор тянет! Струхнули мы сильно! — улыбнувшись в густые усы, ответил ему честно Верослав. В его голосе слышалось облегчение, смешанное с остатками страха.

В это время обоз подъехал к поселению и, свернув на одну из улочек, остановился у ворот частокола. Скрип полозьев по снегу прозвучал неожиданно громко, нарушив привычную тишину деревни. Один из воинов охраны, приподнявшись на стременах, громко закричал, и его голос эхом разнёсся по округе:

— Гости из Чернигова пожаловали! Отворяйте ворота!

В ту же минуту грузные ворота подались внутрь, освобождая проезд к гостевому двору. За ними кипела жизнь. Повсюду сустились люди, и эта суета казалась почти лихорадочной. Дворовые девки бегали взад и вперёд с чугунками, посудой и прочим барахлом, их лица покраснели от холода и спешки. За ними семенили почтенные старцы, пытаясь убраться от чужих глаз восвояси, а крепкие, бородатые мужики, одетые не по-зимнему в лёгкие зипуны, освобождали место во дворе. Подхватив оглобли, они затаскивали в конюшни брошенные сани, стараясь успеть до того, как окончательно стемнеет.

Излишняя суета перед важными гостями была, по всей видимости, вызвана тем, что прибытия посольства никто не ожидал так рано. Потому-то купцам и пришлось некоторое время без дела наблюдать возникшую суматоху. Они стояли у саней, чувствуя себя лишними в этом вихре чужих забот, и лишь крепче сжимали края своих шуб, будто это могло защитить их от неизвестности.

Наконец, на высокое крыльцо вышел важного вида человек. Чёрные, до блеска начищенные кожаные сапоги ступали уверенно, а дорогой кафтан подчёркивал его положение. Аккуратно стриженная борода и большая залысина на лбу придавали ему вид мудрого, но строгого хозяина. Бодро спустившись по ступенькам вниз, он степенно подошёл к саням с посольством и, поклонившись в пояс, важно пробасил:

— Милости просим, дорогие гости! Мы несказанно рады принимать у себя таких важных особ!

На эти слова купцы тяжело вылезли с насиженных мест. Каждый их жест выдавал усталость и напряжение долгого пути. Ответив таким же низким поклоном хозяину, они важно проследовали за ним на крыльцо, а затем и в открытые двери гостеприимного дома. Тёплый

воздух, пахнувший дымом, хлебом и травами, окутал их, словно мягкое одеяло, но в глубине души оба понимали: самое трудное ещё впереди.

ГЛАВА 5

Три дня уже гостили послы черниговские в городище князя Новограда, а приглашения на важный разговор всё не было. Дни тянулись медленно, будто вязкий мёд стекал с ложки — каждая минута ощущалась отдельно, оставляя после себя привкус неопределённости. Ни в еде, ни в питье, ни в чём ином им не было отказа: столы каждый день ломились от выставленных на них всевозможных яств и вин. Жареные поросята, пироги с рыбой и грибами, соленья, мочёные яблоки, мёд в хрустальных чарках и заморские вина — всё это выставляли перед гостями с показной щедростью, словно хотели заглушить тишину, висевшую в воздухе.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.